

О БЕДНОМ ЖАНДАРМЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...
ОЧЕРК 1: БЕЖИЦКИЙ БУНТ

Бежица.

Поселок Брянского рельсопрокатного завода.

Утро 12 июня 1898 года.

Дети – существа очень непосредственные и любознательные. Даже если это бледные от недоедания, одетые в аккуратно заштопанные обноски дети рабочих, страдающие от золотухи и рахита. Сейчас они обступили заводского сторожа Реута и просили его показать «левольвельт». Реут, поляк по национальности, слегка важничая, достал казенный «наган». Он несколько раз прокрутил барабан, показал любопытным ребятишкам желто блестящие капсулы гильз, выступающие из камор. Несколько раз нажал хвост курка, приводя его в боевое положение и проворачивая барабан на одну седьмую часть окружности. Детям это очень нравилось. В последний раз - то ли Реут машинально нажал на спусковой крючок, то ли боевой взвод сорвался с выреза шептала – «наган» выстрелил. От неожиданности Реут выронил револьвер. Дети с визгом брызнули в рассыпную. Только семилетний Антон Кульков беззвучно открывая рот, медленно оседал на землю...

Скорбная процессия двигалась к казармам, где жили рабочие завода... Двое мастеровых несли тело убитого ребенка, еще двое вели связанного убийцу. Позади молча двигалась толпа, которая все пребывала и пребывала. Никакого ора не было, но толпа сдержано гудела: вновь присоединившимся рассказывали про душегубство, уже перевирая случившееся на все лады. Навстречу толпе вышла Пелагея Кулькова, окружённая несколькими подвывающими женщинами. Ребята уже успели рассказать матерям обо всем произошедшем.

Пелагея резко бросилась вперед, к телу сына, но ее сумел перехватить Пахомий Кульков. Пелагея заорала, забилась в руках у мужа, в голос завывали женщины, и под этот вой тело было внесено в казарму. А убийцу потащили дальше. В часть. Сдать полицмейстеру.

***

Полицейстер Брянского завода Владимир Петрович Квитницкий, храбрый служака высокого роста, склонный к дородству, раздвигая людей, четкими шагами прошел по коридору, распахнул дверь и остановился перед столом, на котором лежало обмытое тело Антона. На груди, в скрещенных руках мальчика горела свеча, в головах стояла икона. Пелагея подвывала, стоя в ногах у сына. Отец, сдерживая чувства, понуро сидел на нарах. Вокруг стояли сумрачные соседи, рабочие и их жены. Некоторые из женщин вздыхали, другие закусывали уголки платков, третьи вытирали слезы.

- Мне нужно осмотреть рану! – громко произнес Квитницкий и отстранил плачущую женщину от стола.

Вой прекратился. Квитницкий деловито задул свечу, закатал на трупе рубаху, внимательно осмотрел входное отверстие, покачал головой, перевернул труп, обнаружил выходное отверстие, оправил рубаху, снова сложил руки и вставил свечку.

- Вот что, ребята, - сказал Квитницкий среди всеобщего молчания, - Надо перенести его отсюда... В морг... Не может здесь находиться мертвое тело...

Формально полицмейстер был совершенно прав. В июне месяце, в комнате, где на девяти квадратных метрах жило семь-восемь человек, мертвое тело держать было нельзя. Но отцу и матери трудно было это понять. И они не захотели понять.

- Нет! Не отдам!! – заголосила мать.

- Пусть здесь лежит! – поднялся с нар отец.

- Да вы что! Очумели! – опешил Квитницкий, - Не положено держать мертвецов в людских! Место мертвецов в мертвецкой!

- Да как же это, - обратилась Пелагея к соседям, - Дите отнимают... С дитем проститься не дают...

Мастеровые глухо заворчали.

- Вот я вас! – Квитницкий показал рабочим кулак, - А ну, ты и ты! – он ткнул пальцем в двух рабочих, - Берите, и понесли...

Один мастеровой, молодой парень начал прилаживаться, чтобы поудобнее поднять труп, но рабочий постарше не двинулся с места. Он пристально смотрел на Квитницкого.

- Не по христиански это! – наконец промолвил он, - Не дать родителям с дитём проститься...

- Молчать! Хам! Как смеешь не повиноваться мне! Я власть! Ваша власть! – затопал ногами Квитницкий, - Молчать и делать, что прикажу! Скоты!

Пахомий Кульков шагнул к нему и с размаху ударил в лицо. Квитницкий не упал, только отшатнулся, голова дернулась. Правая рука в белой перчатке прикрыла разбитую губу. В глазах Квитницкого стояла оторопь. Старый мастеровой, укорявший Квитницкого, шагнул и ударил его в свою очередь. Квитницкий развернулся и медведем полез сквозь толпу. На него с разных сторон посыпались удары, но большинство из них не достигали цели. Только фуражка слетела с головы, и тут же была затоптана в толпе. Квитницкий не заметил потери фуражки, он был уже возле выхода. В этот момент, множество глоток одновременно выдохнуло:

- Бей его!

И толпа стала вываливаться из казармы на улицу. Квитницкий, спасаясь от толпы, мчался вдоль улицы, как заяц. Рабочие преследовали его по пятам. Пристав поднажал, оторвался от преследователей и скрылся за поворотом. Добежав до угла, толпа стала замедлять движение, и остановилась. Пристава нигде не было видно. Некоторые люди, сбрасывая напряжение азартной погони, стали посмеиваться: «Убёг!» Но основная часть толпы оставалась сплоченной и злой. И вскинулся крик:

- Громи!

Не важно, кто первым закричал. Толпа подхватила на разные голоса:

- Бей! Громи!

- Долой хозяев!

- Айда по лавкам, ребята!

Этот последний крик заставил всех двинуться. Все сразу вспомнили, что уже полгода заводоуправление выдает зарплату не деньгами, а талонами, которые отоваривались только в заводских лавках. По ценам, назначенным заводоуправлением. К частным лавкам рабочим тоже было не подступиться из-за отсутствия настоящих денег. Но теперь наступил праздник непослушания. Рабочие выбивали двери встречных лавок и магазинов, вваливались толпой, расхватывая, кто до чего мог дотянуться. Не успевших спрятаться лавочников и их приказчиков, вытаскивая на улицу, жестоко били, а некоторых топтали ногами.

***

Отдышавшись, пристав Квитницкий пришел в себя. Руку что-то щекотало. Он разжал кулак – на ладони лежал пучок клевера. Он стоял, прислонившись к стогу сена. Квитницкий стал разгрести стог, и скоро зарылся в клевер...

***

Лишенные руководства пристава, полицейские стражники не представляли, что им нужно делать, и разбежались. Однако об арестованном убийце – Реуте – никто из мастеровых не вспомнил. Перспектива близкой поживы заслонила случившуюся трагедию. По той же самой причине уцелела и полицейская часть – там нечем было поживиться...

Толпа тем временем добралась до винных лавок и пивных. Бежица напоминала большой взъерошенный муравейник. Основная масса рабочих шла по поселку, направляясь к цехам рельсопрокатного завода. От этой толпы все время отделялись группы людей, тащивших домой поживу. Но толпа тут же пополнялась вновь прибывшими рабочими.

Унтер-офицер жандармского пункта в Бежице, Сергей Шаманов наблюдал за происходящим с пожарной каланчи:

- Пиши: «Федосов из механосборочного цеха, тащит узелок из лавки Степанова, Лещенко из колесного с четвертью вина, Васильев, этот, из революционеров, что-то говорит остальным рабочим». Второй унтер-офицер, Григорий Иванов, фиксировал все сказанное в тетради. Для будущего следствия.

Член «Союза сознательных рабочих», литейщик Васильев (для своих – «Митрич»), собрав небольшую группу слушателей, горячо им говорил:

- Товарищи, надо остановить погромы! Погромы – это ошибка! Погромами ничего не добьешься. Надо объявить забастовку! Избрать стачечный комитет и предъявить хозяевам наши требования!

Многоголосый рев перекрыл его слова. Толпа брала штурмом очередную пивную. Слушатели мгновенно рассосались. Один из них, молодой рабочий, тот самый, который выразил готовность нести тело мальчика в морг, плюнул Васильеву под ноги. Васильев поглядел по сторонам, попытался поймать за руку пробегающего мастерового:

- Товарищ, нельзя грабить!

Рабочий только отмахнулся. Васильев зло сплюнул, повернулся, и зашагал домой. Сегодня не его день... Пока не его... Уж слишком неожиданно начался этот бунт. Революционеры не успевали ничего предпринять. А вот когда в мае разбрасывали по заводу самодельные листовки, никто из рабочих на них не отозвался...

***

Толпа выбила заводские ворота. Сторожа разбежались. В отдалении пылила пролетка директора завода Андерсона, справедливо решившего, что общение с собственными рабочими может отрицательно сказаться на его здоровье. Рабочие принялись крушить заводоуправление, выбивая двери, окна, пуская по ветру заводские документы. Скоро здание ярко запылало.

Рабочие растеклись по территории завода, громя станки и механизмы, обрезали приводные ремни, били кувалдами по цилиндрам паровых машин, калечили инструмент. Они сполна мстили заводу за низкие заработки, за высокие штрафы, за придирки мастеров и грубость администрации, не понимая, что только недавно завод пережил процедуру банкротства, и новые хозяева пытаются вернуть предприятию рентабельность. За счет них, рабочих...

***

Вечерело.

Толпа, отягощенная награбленным, выпитым и сделанным, рассосалась. По улицам шатались пьяные.

Квитницкий, выбравшись из стога клевера, тихими перебежками возвращался домой, беспрерывно оглядываясь по сторонам.

Жандармские унтер-офицеры Сергей Шаманов и Григорий Иванов надели свои жандармские мундиры, и спустились с чердака. Половину ночи они обходили поселок, дабы создать хоть видимость поддержания порядка. Встречные мастеровые, видя жандармские мундиры, начинали глухо ворчать, но напасть не решались. Погромный азарт ушел, пьяного куража не доставало а синий мундир по прежнему вызывал подсознательные чувства уважения и страха. Обойдя Бежицу, унтер-офицеры со спокойной совестью пошли спать. Учитывая обстановку в поселке - вполглаза...

Утром 13 июня в Бежицу прибыла присланная губернатором Трубниковым воинская команда. Солдаты немедленно растеклись по поселку патрулями и пикетами. На территории завода были расставлены караулы. Но рабочие волнения так и не возобновились. Погулявшие на славу прошлым днем рабочие проснулись поздно, и не стремились к повторению вчерашних подвигов. А с прибытием солдат они вообще рассосались по казармам и «колониям» (так назывались казенные дома на несколько семей) и сумрачно ждали, что будет дальше. Пристав Квитницкий утвердился за своим рабочим столом в полицейской части. Унтер-офицеры Шаманов и Иванов вместе с солдатами всю ночь обходили поселок, и арестовывали активных участников беспорядков, описывая конфискованное имущество.

И только 14 июня в поселок прибыл ротмистр Отдельного корпуса жандармов Дмитрий Петров производить расследование...

***

Ни шум в газетах, ни скандал открытого судебного процесса, на котором побывал сам Лев Толстой, не заставили хозяев изменить отношение к своим рабочим. Поэтому и в последующее время Бежица оставалась «головной болью» местных властей.